

МОЙ ДРУГ МИША МАРИНОВ

Л.А. ПОНАМОРЕВ

Москва, Россия

Начиная писать воспоминания о Михаиле Маринове, я понял, что последовательно, в рамках какой-либо системы, я не могу описать тот “теплый хаос”, который возникает в моей голове при мысленном произнесении двух слов: Миша Маринов.

Когда я начал заниматься теоретической физикой, Миша, несмотря на очень небольшую разницу в годах, стал одним из моих самых авторитетных консультантов. У него всегда хватало терпения на ответ, причем ответ был подробным и детальным. Но ладно бы я, начинающий теоретик. Но я неоднократно был свидетелем того, как к нему за справкой или консультацией обращались практически все сотрудники теоротдела, в том числе и весьма именитые. Миша был “ходячей энциклопедией”.

Когда в Институт поступал новый журнал, содержащий не очень понятную статью, но по очень актуальному вопросу, доклад по этой статье на очередном семинаре теоротдела чаще всего делал Михаил Маринов. Когда экспериментаторам Института надо было популярно рассказать о новом, математизированном подходе в теоретической физике, доклад на общепрограммном семинаре просили сделать того же Михаила Маринова. “Просветительская” деятельность Миши занимала так много времени, что, по-моему, это даже мешало его собственным исследованиям.

С Мишей любили советоваться, в том числе, и по вопросам, не связанным с научным творчеством. Насколько широк был круг вопросов при этом, можно только догадываться, но один случай, который стал мне известен, дает представление о той большой степени доверия, которое чувствовали к Мише его товарищи. Однажды к Мише обратился сотрудник теоротдела К. за советом: вступать ему в КПСС или нет. Насколько нетривиальным было такое обращение, можно понять из того, что абсолютно всем было известно, что Маринов аполитичен, что у него друзья – или диссиденты, или что-то вроде этого. “Товарищ” К., обратившись к Мише, скорее всего хитрил. Решение о вступлении в партию он уже принял, но ему важно было продемонстрировать Мише свои колебания, чтобы тот не слишком осуждал его за этот конъюнктурный выбор. Одним словом, товарищ К. уважал Михаила Маринова.

В Институте теоретической и экспериментальной физики я проработал 25 лет, с 1965 г. по 1990 г., с 24-х лет. Дружба с двумя людьми – Мишей

Мариновым и Женей Тарасовым – в этот период времени играла огромную роль для меня, влияла на выбор того, что обычно называют “жизненным путем”. Несмотря на достаточно успешную научную карьеру физикатеоретика, я, в конце концов, решил отказаться от научной деятельности, в перестроечный период с головой погрузился в общественные процессы. В 1987 г. я с друзьями организовал общество “Мемориал”.

Выбор “общественного служения” вместо научной карьеры произошел в значительной степени под впечатлением многочисленных бесед с Мишей, обсуждений с ним общественных процессов, начавшихся в России с приходом Михаила Горбачева к власти. Здесь уместно вспомнить драматические, но тем не менее ординарные для того времени обстоятельства, сопровождавшие выезд евреев из СССР в тот период.

Миша глубоко осознавал свою принадлежность к еврейскому народу. Он прекрасно знал его историю, переживал перипетии борьбы Израиля за выживание. В какой-то момент он понял, что должен эмигрировать. Можно сказать, он хотел быть со своим народом в трудный момент, помочь ему сохранить государственность. А можно сказать по-другому: он улавливал “дыхание времени”. Государство Израиль состоялось и сохраняет себя на протяжении десятилетий только потому, что сотни тысяч евреев по всему миру – каждый для себя – решили, что им необходимо в этот момент оказаться в Израиле.

Насколько серьезно Миша относился к своему выезду, говорит следующий факт. Еще за несколько лет до того момента, как он подал документы на выезд, у Миши уже было опубликовано достаточно научных работ, чтобы на их основе могла быть защищена диссертация доктора физикоматематических наук. Что еще важнее, существовало общественное мнение – Маринову пора защищаться. Но он не стал этого делать, предполагая, что, защитив докторскую диссертацию, он станет “более ценным” для советского правительства и оно будет более последовательно его удерживать в Советском Союзе.

Самое тесное мое общение с Мишей происходило в последние годы пребывания его в СССР, после того, как он ушел из ИТЭФ и подал документы на выезд. Советские власти, как это тогда водилось, семье Михаила Маринова в выезде отказали, и они стали ждать, попав в многочисленную семью, как их тогда называли, “отказников”.

Для того, чтобы содержать семью, а у него и Лили, его жены, уже было двое детей, нужно было зарабатывать деньги. И он делал это постоянно, в основном, занимаясь переводами научных статей.

Я сам в то время занимался подработкой во время отпусков, выезжая с группой своих друзей на строительные работы. Это была так называемая

“шабашка”. Чаще всего нашим бригадиром был мой и Мишин приятель Петя Волковицкий. И вот мы с Петей пригласили Мишу в нашу бригаду. Он стал моим напарником. Надо было видеть, с какой тщательностью и старанием Миша осваивал тонкости шабашки.

Я с удовольствием вспоминаю то время, когда мы с Мишей шабашили. В какой-то момент мы с Мишей стали работать отдельно: сами заключали договор на строительство и выполняли его вдвоем. Работа началась летом, но за один месяц моего отпуска мы не успевали закончить работу и продолжали ее вплоть до зимы, выезжая на строительную площадку на субботу и воскресенье. Иногда прихватывали и один рабочий день. Таким образом мы собрали с ним три дачных сруба в Подмосковье.

Мне легко было работать с Мишей, хотя все, кто когда-то шабашил, знают, что на шабашке довольно часто бывают конфликты. Связано это с психологической несовместимостью на фоне изнурительной работы по 12 – 14 часов в сутки в достаточно тяжелых бытовых условиях. Миша был очень деликатным человеком, прощал ошибки или упущения в работе напарника, стараясь брать на себя более трудно выполнимую часть работы.

Утром, вечером, в процессе работы мы много говорили. Темы были “вечные” и отчасти “стандартные” для советской интеллигенции того времени. Я уверен, что именно эти разговоры в значительной мере подготовили меня как общественного деятеля. Хотя, очевидно, общественный интерес, общественные устремления у нас были разные. Я много думал и говорил об общественных процессах, которые шли в тот период, период “ранней перестройки” в России, хотел найти себе в них место и нашел, в конце концов. А Миша говорил об истории еврейского народа и о необходимости его собственного участия в становлении государства Израиль. Несмотря на, казалось бы, абсолютное несовпадение тем, мы обсуждали одно и то же – возможность и необходимость личного участия в общественных процессах как в России, так и в Израиле.